



№ 8.

Август 1926 года.

№ 8.

Не экономный режим.

В некоторых сельсоветах председатели плохо справляются с работой, в виду их неграмотности и малограмотности. Сэкономив несколько рублей на переписках, они создают ненормальные условия для работы.



— Товарищ председатель, когда-же списки-то поселенные составлять будешь?
 — Подождите, граждане. Вот подучусь грамоте, так сразу и сделаю. 5 букв уже выучил.

2

Экономия не с того конца.

Когда все девять членов собрались, председатель торжественно объявил заседание открытым.



— Говорить нам, граждане, много не придется. Вопрос один: экономить велют. Кто хочет высказаться?

— Да чево там растабарывать: раз велют, значит нужно. Им из центра видней,— мрачно изрек завфинстолом.

— Конешное дело—согласился завземстолом: догляд везде нужен. А про эту самую режимную экономию я так думаю: Ефремыча можно сократить. Он хотя и нужный человек, а коли нужно экономить, ничего не поделаешь.

— А кто же пакеты разносить будет. Повестки опять-же?—спросил секретарь.

— Велико дело повестки. Попутчики будут, а коль что срочно, я своего Ванятку пошлю. Не переломится, сбегает.

— И то правда—согласился председатель: 12 рублей тоже не в сору найдешь. Смотришь, в в год-то 144 рубля. Две школы починим.

— Чево там. Пиши: одно слово хорошо.

— Вот только как с охраной. Беречь то зсех кто будет?

— Эка важность. Агафья без угла шмыняется. Пусть в сторожке поселится. И ей угол будет, и нам хорошо.

— Да чево там—фиксируй.

На другой день председатель легкой рукой подписывал доклад:

— „Режим экономии в Растудыкинском вике проведен на 100%“.

Не менее довольный секретарь поставил печать и, низко наклонившись над столом председателя, проговорил:

— Не отстаем от других. Хи, хи.

— Не отстаем. Ха, ха.

А завфинстолом, радостно потирая руки, говорил завземстолом:

— Приятно, знаете, чувствовать, когда вверенные вам суммы расходуются правильно и экономно. 144 рубля это вам не штука.

Первые дни без виковского сторожа прошли при всеобщем ликовании. Завземотделовский Ванятка стер ноги, летая по деревьям. Конечно, никто не знал, что перед каждым походом он получал от отца затрещину. Никто также не знал, что повестки иногда оказывались в бочале.

Из виковской сторожки снизу непосредственно в кабинет председателя целый день несло шами, жареной картошкой. В промежутках между запахами раздавался детский крик и материнская ласковая ругань.

— Ничего не поделаешь—думал предвик: раз экономия, приходится терпеть неудобства.

На четвертый день в кабинет вошел начальник милиции и что-то шепнул председателю на ухо. Тот вскочил:

— Не может быть!

— Я вас уверяю—почтительно наклонился начальник.

Предвик спустился вниз, в сторожку. Агафья орудовала ухватами, двое ребятишек приветствовали хозяина волости ревом.

— Ты вот что, Агафья,—нерешительно заговорил председатель: тово... говорят самогонку гонишь?

Агафья бросила ухват и, подпершись в бок, вызывающе спросила:

— Ну и что же?

— Ну тово... неудобно. Вик, сама знаешь.

— А мне что хошь, а я гоню и буду гнать. Что же мне с малыми ребятами по миру идти? Связалась я с вами. Тоже радость. Как проходная казарма. Всякая сволочь лезет. Уйду с вашей бесплатной фатеры. Да провалиться бы ей!..

Предвика смутился и, уходя, ласково бурчал:

— Да, я ничего... Только ты поосторожнее, чтоб значит мне не доносили.

На пятый день земотделовского Ванятку искали целый день. Парнишка точно в воду канул. А у секретаря лежали грудкой окладные листы. Надо было разнести по сельсоветам.

— Придется кому-нибудь сходить—уныло проговорил председатель. Вали хошь ты, Иван Петрович.

— Да у меня срочная работа: окладные листы.

— А у меня земельные дела.

— А я и так день и ночь работаю—откинулся секретарь.

Предвик молчаливо взял пачку листов и отправился по деревьям.

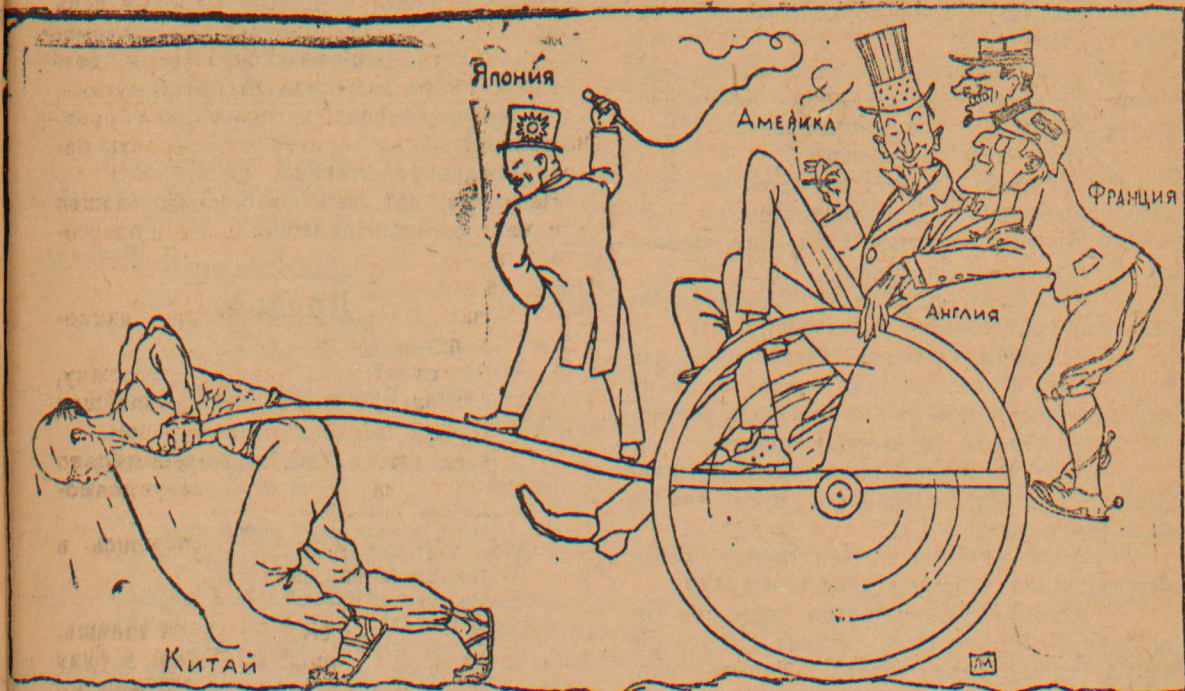
На шестой день виковский сторож снова появился в своей сторсжке, где уже не было Агафьи.

В этот-же день нашелся земотделовский Ванятка.

Д. Захолустный.

У них тоже „экономия“.

Америка, Англия и Япония до сих пор хозяйничают в Китае. Китайский крестьянин и рабочий живут хуже собаки английского капиталиста. В Китае почти нет извозчиков и их заменяют рикши, т. е. китайцы, везущие тележки с седоком.



КАПИТАЛИСТЫ: А говорят мы тратим народные деньги. Мы настолько экономны, что даже лошадей не заводим.

ТОРГИ.

Это было в Иванов день, когда сангуровский церковный сторож Микита отделывал на колокольне всевозможные коленца, а мужики, столпившись у церкви, рассуждали о погоде и рвали на цыгарки случайно оставленную фининспектором брошюру „О сельхозналоге“.

Настроение было праздничное. Клим Выввин, первый почувствовав это, обвел собеседников томительным взглядом и проронил:

— А не мешало-бы, елки-палки, того... промочить! Все наши слова Клима правильными, и через некоторое время появилось несколько бутылок перегона.

За неимением посуды, пили из горла, а Клим, как организатор, заведывал бутылкой.

Подойдет мужик, приложится к горлышку и сосет. А Клим бутылку держит и смотрит.

Смотрит, смотрит, потом раз-раз мужику по губам. Значит, отваливай. Следующий подходит. Таким манером раздавили пять бутылок.

Потом решили идти делить луга.

Тут Клим опять посмотрел на всех и как-бы в воздух заметил, что не мешало бы по случаю сухой погоды лужок то вспрыснуть.

Все удивились находчивости Клина и изъяснили свое согласие. Но так-как денег не было, решили продать часть луга.

Сказано—сделано.

Часть лужка была продана и перед обществом красовалось ведро перегона.

Клим руководил выдачей.

Поминутно он опускал кружку в ведро и останавливал напивающихся.

— Чего напираете, елки-палки? Всем достанется!

II.

Через несколько минут ведро было опорожнено. Но все чувствовали такую жажду, что готовы были выпить все запасы, которые были в волости.

Кто-то намекнул о повторении.

Все одобрительно поддакнули. За 2 ведра была продана вторая часть луга.

И эти два ведра были быстро опорожнены.

Но в виду непрекращающейся жажды, появилось еще одно ведро.

А потом еще.

День кончился исторический битвой, в которой сангуровцы, по примеру древних рыцарей, дрались, как львы.

А когда заходящее солнце выглянуло из-за тучи и озарило поле битвы, от которого неся немолкаемый храп, оно как-то с'ежилось, покраснело и юркнуло за горизонт.

П. Гордин.

КАРТОФЕЛЬНЫЙ ПРИЖИМ.

— Кооператив в селе Черная Заводь есть — „Серп“ прозывается, и служит в этом кооперативе мой двоюродный дядюшка Тихон, на манер вроде сторожа. Намедни, встретились мы с дядей и разговариваем:

— Каковы дела, — говорю, дядюшка, в вашем кооперативе?

— А, чтож, — отвечает, — племянничек, дела преотличные, торгуем хорошо, режим экономии соблюдаем, все как следует.

— Чтож, хорошо — говорю.

Только недели может не прошло после этой встречи, как я с дядюшкой опять столкнулся. И не столкнулся бы может, если-б он меня за полу не сцапал.

— Поздравь, — говорит, племянничек, дела кооперативные в гору пошли!

— От души, — говорю, поздравляю, как сознательный пролетарий и враг частной капитализма. А от чего, — спрашиваю, дядюшка, у вас дела-то так хорошо пошли?

— А от картошки, племянничек, от картошки, — говорит дядюшка и руки таково радостно потирает.

— Чтож, — говорю, действуйте, бейте частную капитализм в хвост и в гриву.

— А все, — захлебывается дядюшка от радости, — от правления зависит. Правление умное — всему делу голова. Теперь, скажем, мы такой оборот с картошкой завели: товары отпускаем на картошку. Берем мы четверть картошки, а потом товаров на 4 рубля на эту четверть отпускаем. Теперь во что нам, ты скажи, четверть картошки обходится?

— В четыре рубля, дядюшка!

— Во! А если ее в Ленинград свезти, или в Кинешму, то может от этого барыш кооперации получиться или нет?

— Если, — говорю, рублей по 5 четверть, продавать, то, конечно, может!

— И я так думаю. Ну, а пока прощай, племянничек!

Пожал мне дядюшка своей мозолистой кооперативной рукой лапу и ушел бить частную торговлю.

Только встречаю я дядюшку намедни к вечеру, гляжу, а на нем и лица нет. Все было, а тут точно кот языком слизнул.

— Что — спрашиваю, — дядюшка, с вами?

— Осрамились, — отвечает, племянничек, на всю Левашевскую волость, а все из-за картошки больше. Накупили мы этой картошки 2370 пудов, повезли ее в Кинешму...

— И продали ее там по 5 рублей за четверть? — перебиваю я.

— Какой там, — перебивает дядюшка. По три рубля продавали, да больше сотни мешков спарили.

— Действительно, — говорю, обидно! Жалко мне стало дядюшку, а тут еще он заплакал с горя:

— Обязательно, — говорит, — теперь в „Бороньем Зубе“ пропечатают на позор всему советскому союзу...

— Ну, — говорю, этого, дядюшка, не будет. Не твоя вина.

— Товарищи-редакторы! Не пропечатайте моего дядюшку, не губите.

Не он виноват, а правление да ревкомиссия!

Пожалейте старика, на старости кооперативных лет погибшего на фронте борьбы с частной капитализмом.

И. Вавилов.

Друзья.

— А-а! Здорово! Дело есть...

— Что такое?

— Тише!... Печать твоя нужна для одной бу-мажки...

— Не могу, браток.

— Вася! Друг я тебе, секретарю ячейки, али не друг?

— Дело в том, что...

— Вася, гуляли мы с тобой вместе?

Гуляли. Пили? Пили.

— Постой. Дело в том, что...

— Не говори! Брось из себя порядочного стро-итя, кто узнает?

— Я тебе должен сказать, что...

— Да брось ты, Васенька! Ты все можешь. Да вот я сын торговца, а провел же ты меня в ком-сомол.

— Дай слово, наконец, сказать!

— Вася, брось! Мало я тебе добра делал? И не-чевал ты у меня, и с девчатами знакомился, и в долг у меня брал. Нужно! Еще дам. И век не спрошу..

— Дай слово-то сказать, чорт! Не секретарь я теперь. Вышибли меня уже давно... Чего с кула-ками лезешь?!

— Ка-а-а?!... Подавай сюда деньги, что в долг брал, сссволючь!...

Н. К.

БОРЦЫ.

— У вас, сказывают, кулачные бои про-цветают?..

— Процветают, батюшка, процветают!..

— Ну, а сельсовет и милиция борются с этим злом?

— Борются, батюшка, борются... в пер-вых рядах.

Винтик из головы.



Вы дума-ете это про-стой винтик. Ничего по-добного. Этот винтик вылетел из головы пал-

кинских руководителей, когда они провели древо-насаждение в Палкине.

Вновь то они ничего не сделали, а то что в прошлом году было насажено, ничтожно уничтожили.

Режимные частушки.

Прошна служит в потребилке,
Папиросы курит—„Пушки“,
Карамель таскает милке:
— Не иначе от... усушки.

Закупщик Антон толковый,
Ходит в новом полушубке.
Может ларень жать целковый...
— Экономит на закупне.

Весовщик Никита Рябов,
Пополнел, поприбыл в весе,
Нажимает там, где слабо—
— Экономит на провесе.

Пуд приказчиком в пивнушке,
Дома-ж пива склад на печке.
Ну и пьет, как воду, кружкой—
— Экономит на утечке.

Тит, приказчик церабкопа,
Смастерил по моде брюки.
Сразу видно—не растрепан,
— Ну ему и мера в руки.

Ванька—сторож сельсовета,
Для крестьян начальство вроде.
Каждый день видать шкилета,
— На чужом на огороде.

— АЗ.

Кооперативная болезнь.

По д. Мыльниково, Красно-
сельской вол., едет крестьянин.
— Тетка, эй тетка!
— Чевс?
— Почему это у вас во всех
домах стекла повыбиты. Град
что-ли был?
— От кооператива это, ба-
тутшка, от кооператива.
— Как от кооператива?
— Да так. Вишь ты, какое
дело-то. Соберется ревкомис-
сия порядок в кооперативе на-
водить, а после выходят все
пьяные...
— Ну и что же?



— Ну, а потом председа-
тель-то ихний Добрин и начи-
нает драться, да стекла бить.

Уродился хлеб в оглоблю.

Воскресенский поп, Пригородной вол., обратился к
прихожанам с предложением устроить молебствие о дожде.
Прихожане согласились и не работали целый день.

Дед Еремей.

Богомольная да темная толпа обступила толстопузого
попа:— на-ка, батя, получай-ка каравай, помолися за хоро-
ший урожай! Чтобы колос был, примерно, в толщину, ну,
не с гору, так, хотя-бы, по бревну. Эх, и темен-же до сих
пор наш народ; получилось совсем наоборот: непредви-
дела знать этого толпа—хлеба с гору получилось. у попа.
От молитвы-ж в поле, как не поглядишь, уродился вместо
хлеба голый шиш.

Великие поэты о режиме экономии.

А. С. Пушкин.

В Шишкинской вол., ветер-
ринарный пункт стоит не
оборудован и работы не ве-
дет.

*Что ты ржешь, мой конь ре-
тивый,*

Что ты шею опустил?

— Потому, что вик ленивый
Обо мне совсем забыл.

А. Майков.

В Малышевском районе от-
строили школу, но в виду
того, что ее строили три под-
рядчика, посещать ученикам
ее, пожалуй, опасно: доски
пола качаются, печки покоси-
лись, столы проломались.

*Дети в школу собирайтесь
Петушок пропел давно,
С папой, с мамой попрощай-
тесь*

И спасет вас... Губоно.

Н. А. Некрасов.

В Шихардино, Бычихин-
ской вол., крестьяне само-
вольно рубят казенный лес.

*Плакала Саша, как лес выру-
бали,*

Ей и сейчас его жалко до слез.

— После-же вместе его про-
пивали

Тут-же под сенью плакучих
берез.

И. С. Никитин.

Товары Парфеньевского
общества потребителей по
странной случайности оказы-
ваются в лавке частного тор-
гаша Лебедева. Посредником
является некто Дормидонтов,
который, покупая товар в
потребилковке, перепродает
его Лебедеву.

*Ехали из ярмарки ухарь купец,
Ухарь купец, удавай молодец.*

Старых и малых он поит ви-
ном:

— Пей, потребилковку со све-
ту сживем.

Граждане д. Фомкино, Ле-
вашевской вол., пропили се-
нокос.

*Пахнет сеном над мурами,
Песни душу веселят...*

— А в овраге, за кустами,
Слышен чей-то крепкий „мат“.

*Там сухое убирают
Мужики его кругом...*

— А у нас-то пропивают
Коллективно всем селом.

Дележка.

Если бы только не дележка,
Был бы целым Квасин Прошка.
Как впервые дуг делили—
Правый глаз ему подбили.
По второму по годочку
Отмотали Прошке почку,
По последнему же разу
Три ребра сломали сразу.
Жинка Прошкина—Наташка
День и ночь вздыхает тяжело:
— Что останется от Прышки
После нынешней дележки?

По научной системе.

На собрании больше всех волновался Агафон.
— Гражданин! Черти полосатые, да до каких пор мы на этой разншественной трехполке пропадать будем!..

— Правильна! Конешна! Что и говорить...—подкаивали из задних рядов оратору.

— Опять-же в окружности все деревни на многопольную систему перешли, режим экономии соблюдают, а мы...

— Правильна! Чего тут, обязательно землемера надуть!

— В подземное управление обратиться, отседа вышлют!..

— Жди у моря погоды! Эвон, нефедовцы второй год ждут, не могут дожждаться...

— Не перебивать прошу, гражда..

Толпа вдруг перестала галдеть и по рядам проносился шопот:

— Поп идет. Не к добру это. Начинать не стоит...

— Сглазит, думаешь?

— Определенно!..

Подойдя ближе, поп протискался сквозь толпу и прямо к Агафону:

— Какой вопрос разрешать изволите?

— А мы, батюшко, по крестьянству, знаете,— землеустройство проводить хотим, что-бы, значит, четырехполье и всякая культура...

— Дай бог, дай бог! Ну, а с землемером как?

— Дык, пока што, нетути!..

— Из губернского губзуп затребуем, вышлют!..

— Эх, граждане, вздохнул отец Николай, плохо надеяться на журавля в небе, сиречь на губернского землемера, была-бы синица в руках...

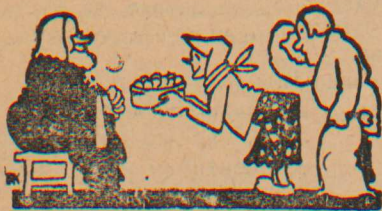
— Чевой-то, батюшко, не понятно, перебил Агафон, вы уж того, загнули больно здорово...

— От учености эго я, наука—она много значит. Вот, скажем, вы землю хотите поделить, да нешто я не могу. Да я не только землю вашу, весь шар земной могу землеустроить.

— А может ты, батюшко, и нам поделить?—робко заикнулся кто то из задних рядов.

— Я то! Господи, да неужели откажусь, ведь я, чай, вам пастырь духовный...

— Оно, конечно, а мы тебе, батюшко, заплатим..



— Это, православные, само собой, на этот счет в евангелии от луки, в главе седьмой, сказано: „какою мерою мерите, такую и вам воздаст господь“...

— Правильно! Гражданин, голосую. Кто за?.. Антошка, ты чего, сопляк, руку не поднимаешь, по рылу захотел?

Голосование прошло успешно. Землеустройство началось.

Через три дня в деревне Кривой Дубок было опять собрание, и на этот раз речь держал батюшка:

— С многопольем вас, граждане православные!..

— Спасибо!—Хором ответила толпа.

— Ошибочка маленькая вышла, — продолжал отец Николай, обмерялся малость, полдесятины лишку осталось...

— Как быть-то?—спорсили „землемера“.

— А на этот счет у меня предложение к вам имеется.

— Говори, слушаем.

— По примеру Христову, — начал из-далека батя, как в Кане Галилейстей он воду в вино превратил, а мы землю...

— Пропить, што-ли?—перебил Агафон, — говори, чего уж?

— Мы што, мы согласны!..

— Кончено! Кто за? Кто против? Единогласно, значит! Ванька, хряй за вином к Фекле Сундуковой, ей земля нужна и вино имеется..

* * *

Через десять минут Ванька припер четверть вина и после землеустройства началось „удобрение“.



А через час, отец Николай, задрав рясу, пустился в пляс, по дороге напевая:

„Мы молодая гвардия
Рабочих и крестьян“.

А за ним подпевая и притапывая шли прихожане.

* * *

Так Сараевский духовный пастырь вывел свое „стадо“ от тьмы к „свету“.

В. Лаптев.

Смычка.

— Ну и фонарь-же у тебя под глазом, прямо прожектор. С чего-бы это?

— А это мы в подшефную деревню литературу отвозили.

Наши дети.

Отец: Вот тебе, Петя, 20 копеек. Раскодай их экономно. Я с детства экономным был.

Сын: Когда-же ты, тятя, пропивать то научился?

В потребилке.

— Что это вы ярлычки с ценами так низко, чуть не к полу приклеили?

— Политику центра проводим: снижение цен!

У частного торговца.

— Свесь-на мне, друг, фунт керосину.

— А зачем ты две бутылки принесла?

— А ты в одну лей керосину, а в другую воду, а то вместе оно плохо горит.

Веселая пора.

Хорошо в деревне летом—пахнет сеном и вином, от рассвета до рассвета—звон носы, бутылок стон. Не беда, коли придется крышу в корм пустить зимой и в хозяйстве отзовется безудержный винопой. Не беда, что то и дело избы красный жрет петух, ржа в депо машины с'ела, рукавов пропал и дух. Не беда, что дети босы, с голодухи слезы льют...

На полгода сена скосят, да и то, шутя пропыют.

Грешар Желтоусов.

Ваня Русаков—чемпион из Антропова.

Выпив по пятому бокалу, компания, во главе с начальником местного почтового отделения, с продолжительного молчания перешла на оживленный и веселый разговор.

Первым, как и подобает по рангу, начал начальник:

— Вот ты скажи, Иванов,—обратился он к своему сотруднику,—могу-ли я быть например начальником?..

— Конечно, Иван Иванович, можетел..

— Так-с! Ну, а борец из меня может выйти или нет?..

— А это, тов. Русаков, от силы больше зависит, от мускулатуры...

— От мускулатуры, говоришь? А ну-ка посмотри какая у меня мускулатура.—Сказавши это, начальник засучил рукав и раза два потянул руку.

— Ну как. Есть?—спросил он.

— Ого! Какие огромные мускулы. Да из вас, тов. Русаков, не только борец, а всемирный чемпион выйти может, подразвиться только малость,—сказал подхалимствуя подчиненный.

— Чемпион! Эй, вы!—обратился Русаков ко всем присутствующим в пивной,—с вами говорит всемирно-известный чемпион—борец Иван Иванович Русаков.

— Сядь, пьяная рожа.—Сказал кто-то из заднего угла.

— Это кому?.. Мне?—привскочив, спросил Русаков.

— Кому-же больше,—послышалось из угла опять.

— Мерзавец! Вызываю на поединок. Музыка! Парад алле...

Начальник почты сделал величественную позу и вышел на середину.

Вместо музыки кто-то побрякал пустым бокалом о бутылку, и состязание началось.

После первой-же схватки, Русаков, к своему удивлению, оказался под низом, а какая-то личность, сидевшая на его животе, с усердием волтузила его по чему попадетсся.

Наконец, личность, наволтузившись до сыта, слезла с Русакова и пошла на свое место. Отряхнувшись, как мокрая курица, чемпион сгрел со стола порожнюю пивную бутылку и замахнулся на обидчика, но... раздумал, и бросился в открытую дверь на улицу.

* * *

Изгибаясь под тяжелой кипой писем почтальон Artemьев спешил к станции, стараясь поспеть на скорый поезд. Кипа неимоверно тяжело давила на плечи и с бедняги лил градом пот.

Перед выходом из села, Artemьев заметил бегущего вдогонку за ним начальника, с порожней бутылкой в руке.

„Не иначе как спешное письмо“—подумал Artemьев и остановился. Подбежав вплотную к почтальону, начальник сгрел его за горло, и пивная бутылка с треском и звоном обрушилась на голову Artemьева. Artemьев бросился бежать. Русаков за ним. Спустились в канаву. Тяжелая ноша давила Artemьева, не давая выбраться из канавы. Сзади за полу тянул с остервенением начальник, а вдалеке, подходя к станции, свистел скорый поезд.

Наконец начальник Artemьева ссилил и начал его вздувать так, как полчаса тому назад вздувала его некая личность в пивной.

Потом утомившись, встал побежденному противнику на грудь и крикнул по направлению к селу:

— Чемпион Русаков победил противника—тяжеловеса Artemьева в 5 минут.

Кто следующий?..

Но так как на пустыре не было никого, на вызов никто не откликнулся, кроме... кроме скорого поезда, на который опоздал Artemьев.

А Artemьев, уткнувшись лицом в канаву, тихо всхлипывал.

И. Исадский.

Целебное средство.

— А хорошее средство—режим экономии.

— А что?

— Да как же. Синебрюховский-то председатель 8 пудов весил. всю жизнь жаловался: так, говорит, и помру от одышки. А ведь вылечился человек.

— При чем же здесь режим экономии?

— А как же, браток. Посадили его в исправдом на год—жирок-то и спал. 2 пуда, слышь, сбавил.

ГАЙ-ДА ТРОЙКА!

Гай-да тройка, снег пушистый,
Ночь морозная кругом.
Светил месяц серебристый
Мчится парочка вдвоем.

Милый шепчет уверенья:
— Обязательно куплю.
Но в душе ее сомненье:
— Мил, обманешь,—разлюблю!

Парень жметесь к девке ближе,
Сам бумажник достает.
Город ближе, тройка тише,
Тыру! И стала у ворот.

Вышли вместе, вдруг газетчик,
Подвернулся невзначай.
Парень бросился на встречу:
— Эй, товарищ, выручай.

Чуть я, чуть не проворонил,
Зарабатывай на чай.
Дай мне свежий
— „ЗУБ БОРОНИЙ“
И монеты получай.

Вместе парой сели снова,
Тройку визгом понесла.
И несмьино было слова:
Знать, читали до села.

Подписка на „Бороний Зуб“
продолжается. Цена 10 к. в месяц.
Для подписчиков „БОРОНИЙ“ 5 коп.

Повальная болезнь.

— Чего это все наши мужики
сегодня больными объявились?
— Да комитет взаимопомощи на
сегодня общественную запашку на-
значил.

Наоборот.

— Теперь, при советской власти все
наоборот пошло!

Раньше у Пашухина отец служил в сол-
датах—ему чистили зубы, а теперь он сам
служит в красной армии и сам себе чи-
стит зубы ежедневно.

Бороний по кочкам

Нахлебник.

Землемер, работающий
в дер. Половке, Вичихин-
ской в., кормится на кре-
стьянских харчах, между
тем как землеустроители,
работающие в соседних
селениях, стол содержат
на свои средства.

— Горько плачут все поповцы,
Встал в копейку передел.
Уцелели одни овцы.
Ну, а кур так всех поел.

Тех-же шей,
только жиже влей.

Крестьяне д. Шихарди-
но, Вичихинской в., вме-
сто праздника „вознесе-
ния“ решили праздновать
„казанскую“. Ф—Ч.

Много-ль в этой штуке толку,
Как ни думай,—не понять.
Разве только для „казанской“
Поприятней выпивать.

Отличились.

Кустари-медники д. Ве-
селово, Красносельской в.,
живут хорошо и устраи-
вают в отличие от сосе-
дей ежедневно гулянки, а
вот на 50 домов в Весе-
лове нет ни одной газеты.

Селькор № 73.

Похвалялись веселовцы:

— Мы теперь, дескать, богаты.

* * *

Наплевать что вы богаты,
Вы зато и темноваты.

Что ты, милка, приуныла,
Нос крючком повесила?
Ты-б „Бороний Зуб“ купила,
Сразу станет весело.

Ив. Прохожий.

д. Ложково, Парфентьевской в.

Купишь—бросишь.

Кооперативная чайная
в с. Головинском, той же
волости, торгует заплесне-
вшими и старыми баран-
ками.

Селькор № 155.

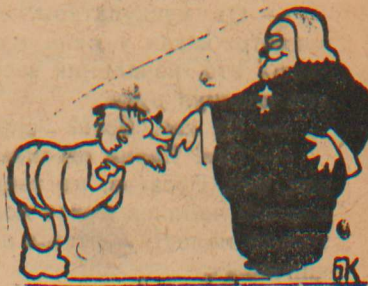
Купишь, вкусишь, плюнешь,
кинешь,
А потом махнешь рукой.

Загляну-ть еще в чайнушку,

Нет охоты никакой.

Погорят—другое загово- рят.

До сих пор не могут соб-
рать крестьяне д. Архипино,
Красносельской в., 5 р. на ре-
монт пожарной машины, а
вот попу недавно за молебен
собрали 14 руб.



— Вот в Архипине охрана
Право слово хороша—
Для попского кармана.
Для машины-ж ни шиша.

Приспособились.

— Куда, Митрич, мужики
лошадей ведут?

— В трактор запрягать. Аг-
роном говорил: он в сорок ло-
шадиных сил работает.

Бузотер.

Со ступеньки на сту- пеньку.

Крестьяне дер. Степурино,
Сретенской в., сначала ра-
стаскили у пожарного сарая
крышу, затем инвентарь и,
наконец, стены, которые по-
шли на топку для самогон-
ных аппаратов.

Со ступеньки на ступеньку,—
Точно лесенка,
У сарая помаленьку
Спета песенка.

Не пени в книге, а пни в вике.

Крестьяне дер. Лепилово,
Левашев. в., заключили с ви-
ком договор на распиловку
дров. Уполномоченный селе-
ния по незнанию не оплатил
договор герб. сбором в сум-
ме 1 р. 65 к. и вич через не-
сколько времени выскрал с
него 1 р. 65 к. сбора и .. 16 р.
50 к. пени.



Бродят в вике, словно тени,
Мужички, как не свои.

— Э-эх вы, пени-сени, пени,
Сени новые мои.

У Машухи белы зубки,
У Танюши алы губки.

Значит, должен быть
им люб

Наш „Бороний“ острый
„Зуб“.

Безответный.



Пьяная лавочка.

В с. Контееве, Ново-Покровской
вол., в международный день коопе-
рации председатель правления коопе-
ратива, Н. Н. Крусанов, должен
был сделать доклад, но вместо этого
явился к лавке на четвереньках,
пьяный. Закупщик, Малышев, пьет
неделями.

Недовольный.

Закупщик закупает, а вы-
пивает вместе с председателем.
Разве плохо? А доклад что...
пустое дело. Да и чего там
докладывать; кооперация и ко-
операция, одна трезвая, другая
пьяная.

Чем докладывать, так лучше
закладывать,— решил Круса-
нов. И заложил. Только всего
и дела.

ЭКОНОМИЯ В БЫТУ.

Экономить нынче в моде,
Это дядя Пров учел:

Во саду и в огороде
Травосеяние завел.

Чтобы мыло цело было,
Сберегает под замком.

А жене он что есть силы
Мылит шею... кулаком.

Чтобы печь не пострадала,
Не истерлись-б кирпичи,

Снес в шинок Пров оде-
яло,

Перестал спать на печи.
Держит скот в хлеву по
норме,

И на норме сам живет,
Скот неделями не кормит,

Сам к соседу есть идет.
Чтоб дровишки были целы

Жечь их не торопится,
А выходит то и дело

В самогоне топится.

И. Новомировский.

Бумажка.

Захар, Степан и Провушка стоят середь избы. Повеси-
ли головушки, скребут перстами лбы. Жуя смущенно боро-
ду, кряхтит предвик Захар: „ну-ж, пишут же из городу,
бодай их скрозь комар! В кон-такте с консти-туцией фи-кси-
ровать момент... Кон-флик-ты... Си-та-уция... ассо... ассор-
ти-мент...“ „Беги, Степан, за Тишкой!“—вздыхнув, промол-
вил Пров: „у Тишки видел книжку я—в ней много всяких
слов“. Степан за Тишкой шариком, и Тишка колбасой, под
мышкой со словариком торопится босой. Вертели книжку
кущую, стекал ручьями пот: искали „ситуацию“, да чорт
ее найдет!... Захар утешил: „Скоро-де поеду в исполком...
Узнаю, может, в городе о слове я таком! Выводят из тер-
пения. Гляди-ко, даже взмок... Принять для исполнения!—
и запер на замок.

Р. Волженн.

ПЕРЕДОВОЙ ПРЕДВИК.

Предвик Гридинской волости П. К. Царев в феврале купил для вика жеребца за 375 руб., в июне продал его за 250 руб., истратив на фураж около 300 руб. На виковской лошади была обработана пашня тещи предвика.

(Из письма селькора).

Вот, сказывают, будто у нас село глухое, да темное.

А я так отвечу—передовое наше село, потому что все эти лозунги нам загодя известны..

Скажем—режим экономии: да он у нас еще в прошлом году проводился предвиком по собственному почину.

Много раз приходила к нему докторица, жаловалась цибко:

— Товарищ председатель, ведь так-же невозможно! Пункт отапливать нечем, морозище, больные прстужаются, лекарства мерзнут, бутылки лопаются..

А наш предвик только карандашиком постукивает.

Топить надо меньше; мы народные средства сберегать должны.

Учительницы, так же, как галки, скопом на него навалились, стрекотали:

— Работать невозможно.. ни бумага, ни чернил, ни букварей!.. Ведь у вас же есть на это средства..

А предвик только плечами разводит:

— Чго же вы хотите, чтобы я на каракули маракули вам по дести на школьника отпускар?.. Надо бережливее быть, товарищи!..

До чего ни коснись—во всем урезывал.. И скопидась у нашего предвика сумма изрядная от экономии—пятьсот чистоганом..

А тут агроном донимает,

— Если вы не приобретете лошади для раз'ездов, я у вас больше не работник, Я пешком такой район обслуживать не в состоянии.

Предвик ничего не ответил, только плечами пожал.

Ну, конечно, агроном смылся. А как смылся в другой уезд, тут нашему предвику и в голову вгвоздилось:

— Лошадь.. Гмм.. оно, конечно, лошадка для вика необходима, по делу с'ездить, для отдыха куда смотаться.. Пожалуй, прав агроном!..

А как были скоплены денежки, тут уж наш предвик жеребца углядел у дяди своего замечательного коня, не конь, а стрела.. Конечно, цена ему, была триста, ну а предвика еще 75 рублей накинул—чай, родных обижать не приходится..

Открывал наш предвик лихо по волости: надо—не надо, всюду посылал!.. А пришла весна, пахота подоспела, теща пристала:

— Вспаши да вспаши мое поле, все равно лошади зря сено жрет..

Ну, ясно, пашня запыхана честь честью.

А тут бумажка из уика, а тут газеты и повсюду жирным почерком:

— „Режим экономии.. соблюдать неукоснительно“.

Крепко вздумался наш предвик, потому что человек передовее передового:

— Лошадь овес жрет, сено жрет, а какая в ней надобность?.. Агронома нет, докторица на крестьянских по участку порхаёт, а тещина пашня запыхана.

Ясно продаты!..

И продал в ударном порядке за 250 рублей.

А деньги под ключ

И теперь уж загодя тоскует, всех выпрашивает:

— А как ты думаешь, какой очередной лозунг будет ударный?..

Я ему сказал наперед:

— Должно быть леса беречь придется,—порубок много..

Так что же ты думаешь?.. Вozить самосильно бревна, заготовлять, запасный сруб поставить не ровит. И вздыхает:

— Теперь-то, пожалуй, экономнее запастись!

Говорю тебе, что наш предвик передовее передового.. Он на лету эти самые лозунги подхватывает!..

Миль-Полярный.

Полезные советы.

Как обмануть общество.

Делается это просто. Предположим, что Парфеньевский вик сообщает Коробовскому сельсовету, что на такой-то день в вике назначены торги на сдачу в аренду покосов.

Председатель сельсовета это сообщение убирает под сукис и сообщает крестьянам тогда, когда торги окончены. В результате, покос достался одному лицу, а общество осталось на бобах.

Как блюсти режим экономии и замечать две должности.

Поступайте немедленно в Бураковскую молочную артель, Быхинской вол, председателем и берите себе счетвода, но только с тем условием, что ваш счетовод будет нести в местной церкви обязанности дьякона, а вы помощника церковного старосты, и все пойдет, как по маслу. Только не забывайте, для пущей важности, на службу всегда являться пьяными.

Как растрачивать казенные деньги.

Система эта изобретена давно и фамилия изобретателя никому не известна. Известно лишь то, что заведующий Парфеньевским сплавным участком Брусов к этому изобретению внес кое-какие допол-

нения и, захотев поехать в Полому, нанял извозчика за 11 руб. Но от'ехав несколько сажен, лошадь Брусову не понравилась и он нанял другую, за которую заплатил 15 руб.

В результате небольшая растрата казенных сумм.

Как в деревне заняться авиацией.

Открывайте в селе Жилине, Костромской вол., почтовое агентство в старом разрушенном здании, приготовленном на слом, и ждите, когда оно рухнет.

Когда здание рухнет, вы обязательно полетите, а если не полетите, то вас в крайнем случае задавит развалинами. Удовольствие одно и то же.

Что случилось.

Неосторожная езда.

Бей, ребята, по гармошке, пусть будет с прореками. Мы вчера колом Тимошке крепко в уло в'ехали.

Дерзкий налет.

На село Косые Щели Клим привез „Бороний Зуб“; ребятишки налетели, быстро вырвали из рук.

Неожиданная смерть.

Дядя Сидор вчера помер, сам в могилу соскочил, потому что свежий номер „Зуба“ он не полюбил.



БОРОНЬЕ РАДИО

ЭКОНОМИЯ НА 100%

С. Сараево. В целях проведения режима экономии в Сараевской вол. закрыта изба-читальня. Теперь вик подумывает о том, не сократить-ли себя по этому же случаю.

Кулаки не дают ходу.

КОВАЛЕВО (Федоровск.) Местные крестьяне продали кооперативный сарай, на вырученные деньги купили полтора ведра вина и пьяные кулаками и кольями били всех, кто попадал под руку.

Шоссе в небесное царство.

(Собств. корреспондент). На постройке шоссе Кострома—Галич работу ведет поп, а другой поп ведет расчет рабочих, в результате чего рабочие получили только половину зарплаты. Вместо недополученной зарплаты батюшки обещают путь в "царство небесное".

Новый способ передвижения.

ПЕТРОВСКОЕ. Местный поп в праздник "Тихвинской", напившись пьяным, вполз на четвереньках в народный дом.

Овес растет.

Н. БЕРЕЗОВЕЦ (Костромск.) Количество затхлого овса на складах местного лесничества растет с каждым днем.

Еще один выдвигенец.

Протасово (Сараевск.) Перепившись по случаю начала сенокоса, крестьяне подрались и поперли стенку на стенку. Из одной стенки здорово выдвинулся член местного райсовета, которого кулаками задвинули обратно.

Деревня просыпается.

Фомкино (Левашевск.) Крестьяне после продажи части сенокоса пьянствовали три дня подряд, а на четвертый проснулись.

Кровельное дело налаживается.

Белая Река. Заседатель волземкомиссии И. Громов часто проходящих крестьян кроет трехэтажным матом. Кроют или нет Громов — пока неизвестно.

Деревня будет освещена.

Игрищи (Арменской). В один из церковных праздников крестьяне пропили 78 руб. общественных денег и подравшись между собою наставили друг дружке фонарей.

Мелиорация и осушка.

Кошурино (Матвеевск.) Вместо того, чтобы осушить канавы и болота, как было постановлено, крестьяне по ошибке осушили несколько четвертей самогона.

Связь крепнет.

Бушнево. Связь местного почтальона с самогонщиками день ото дня крепнет. Почтальон гуляет целыми неделями, а крестьяне ждут почты, которая вместо трех раз в неделю гоставляется однажды.

Крестьянские волнения.

Леонтьево (Халбужск.) Коммузовец Федулеев сильно выпивши в праздник "Тихвинской" устроил митинг о забастовке английских рабочих, но от сильного опьянения заговорил совершенно не то, что следует. Крестьяне взволновались и стащили "орателя" с трибуны.

Распределение покосов.

Степково (Андреевск.) При распределении лугов лучшие луга получили те, кто поставил в общий фонд четверть самогона.

Яровые всходы хороши.

Гридино. Яровые, которые Гридинский предвик сеял и запахивал на казенной лошади для себя в течение двух дней,—хорошие.

Новые праздники.

Сандогора (Мисковской). Приказчик местного кооператива в те дни, когда надо торговать, уходит в гости. Для кого как, а для него эти дни—праздники.

Каждому по заслугам.

Напечатали мы в прошлом номере заметку Селькора о ликвидации Мыльнинского кооператива.

В заметке Селькор сообщал, что оставшаяся патока была продана членам ликвидационной комиссии гр. Данилову и Никитину.

При этом Селькор упомянул, что из патоки получился великолепный самогон.

Напечатали мы это, а теперь получили опровержение. Оказалось, что патока была продана Да-

нилову, но другому, который ничего общего с членом ликвидационной комиссии не имеет.

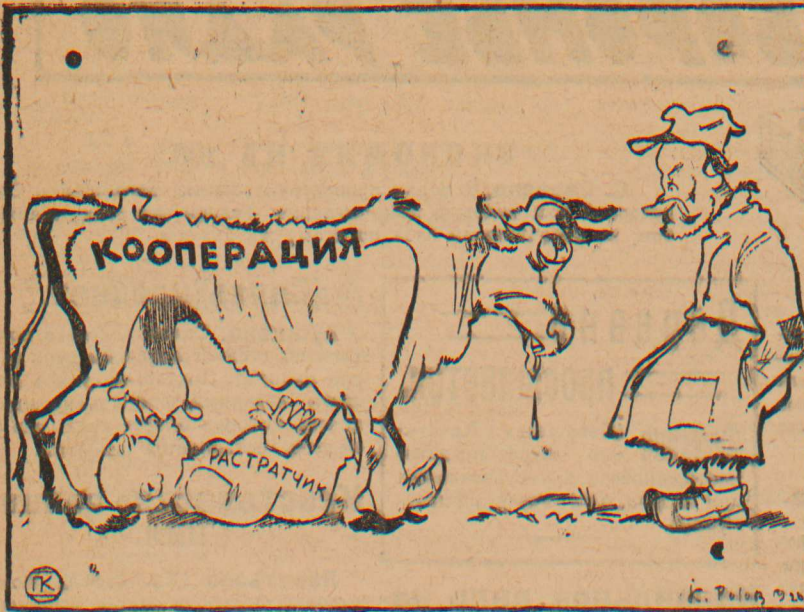
— Ошибся, тов. Селькор!

На первый раз милуем.

Мало-ли какие ошибки бываюг. К примеру, пишет, пишет человек, ну и запишется. А относительно качества самогона не спорим. Говорят, он вышел замечательный.

Скотине — скотская смерть.

Закупщик Молвитинского ЕПО ездит в город за товарами и на казенные деньги пьянствует по неделе. В результате, товары в кооперативе вдвое дороже, чем у частных.



— Эй ты, дядя! Куда забрался, вылазь. Совсем отошала коровенка, задавить может.

— Не югу! Живот мешает, придется уж видно помереть тут.

СЕЛЬХОЗНАЛОГОВОЕ.

Вокруг об'ектов.

— Как, Макарыч, у тебя с об'ектами-то?

— Нынче меня не об'едут: обоих коров в молокодняк записал.

„Стихийное бедствие“.

— Чем ты счастливее других, говоришь, налог совсем сложат?

— Стихийное бедствие у меня... баба двойню родила.

„Верная скидка“.

— Почему ты думаешь, что скидку с налога сделают?

— Сын у меня заведует финстолом, так он походатайствует на этот счет...

Домашняя экономия.

Степан Иванович решил экономить. Это ему пришло на ум, когда он ехал в Кострому продавать картошку.

— Довольно—мечтал он вслух: конечно. Надо, брат, прежде всего на себя оглянуться, а потом и на кооператив пальцем тыкать. Продам картошку и ни копейки. Жене платок обещал—похерим, банки—долой, ну... А там, значит, и полбутылки тоже. Хотя, скажем, и надо бы дешевенького-то, а раз на то пошло... докажу.

В городе соблазняло все: в окне горькая, платки, музыка в пивной, но Степан Иванович непоколебимо и равнодушно проходил мимо соблазнов.

— При нашей несознательности сколько мы денег зря переводим—рассуждал он, похлестывая лошады: полбутылки выпил, а толку ни на грош. Утроба-то у нас ненасытная.

— Платок то привез?—первым делом спросила жена: небось опять все пропил.

— И не пропил и не привез—резонно ответил Степан, распрягая лошадь. Тепериче у нас режим.

— Что это, налог какой? Ох ты восходи! боязливо метнулась жена.

— Баба!—презрительно бросил муж: коли не понимаешь, языком не трепли, а давай что-нибудь пожрать. А деньги на, спрячь.

Три раза ездил Степан в город и, к удивлению жены, приезжал трезвый. За то ни платка, ни ситного не привозил.

— Восходи, да что же это?—мучилась жена.

Чтобы утешить себя, она несколько раз ходила к бабке, служила молебн, но ничего не помогало. Муж аккуратно отдавал деньги ей.

По деревне разнеслись слухи:

— Степан никак торговать собирается. Деньги копит. Слышь, на третий десяток идет.

— То-то он нос-то задрал. Подумаешь, цаца какая.

— Буржуем хочет быть.

А ребяташки степановому Петьке проходу не дают:

— Твой-то отец буржуй, а ты буржуенок.

Петька в ревку да к матке, а та к соседкам ругаться.

А бабы, известно, слово за слово да и в волосы. Матренин муж выбежал ввязался, за косу степанову бабу треплет. Степан увидал, за бабу вступился. Ну и пошел, значит, тут содом гоморрский.



Кто кого. Матрешка ревет, Степаниха воет. Ребята визжат, а мужики за колья берутся.

Ну, а потом...

Что потом... Известно.

Не копит Степан больше денег, потому что в тот вечер на замирание пропили.

А ты говоришь—режим.

Тит Лесной.

Тайственный автомобиль № 5.

Три курицы.

По пыльной улице равнодушно бродили три молоденьких курочки.

— При чем же здесь курочки, когда об автомобиле речь рассердится читатель.

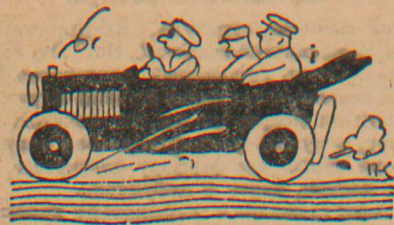
Терпенье читатель. Терпенье.

И так по улице бродили три курочки, хохлаточки. В круг их обязанностей не входило любоваться природой или восторгаться солнечными днями. Скупая природа дала им тяжелый крест. Они должны были ежедневно приносить своему хозяину по яичку. Они знали: если несколько дней не принести яйца, то суровый нож хозяина оставит ошученную куриную жизнь.

Смерть под колесами.

Вдали, подымая пыль, показался автомобиль. Он сверкал на солнце, как какое-то невиданное чудовище. Курицы шарахнулись в сторону, но поздно. Жесткие колеса вдавили их в пыль, стерли с лица земли и на свете стало тремя курицами меньше.

И автомобиль гордо пролетел дальше.



Разговор о курицах.

Когда автомобиль остановился, к кожаному человеку в нем подошла женщина.

— Товарищ-господин. Как же это? Ведь курочки-то мертвые.

— Я думаю—равнодушно ответил кожаный человек.

— Так как-же. Ребятишки-то без яичек остались таперича.

— Надо быть так — согласился тот.

— Надо бы заплатить — робко предложила женщина.

— Эвона! Раскохотался человек: да я может быть по три курицы в день с'едаю, а ты говоришь...

И нажав ногой какую-то железную штучку, он исчез с автомобилем № 5 в синекшей дали.

Женщина постояла, уныло посмотрела на три куринных трупа, плюнула и деловито проговорила:

— Вот тебе и смычка.

Это было в д. Грудково, Судиславльской вол. А автомобильчик-то этот загадочный, говорят, комхозу принадлежит.

Д. О.

От „Бороньего Зуба“.

ГУБКМХОЗУ.

Счет

24 июля 1926 года.

ЗА ЧТО:	КОЛ.	ЦЕНА.		СУММА.	
		Р.	К.	Р.	К.
1. Задавлены вашим автомобилем № 5 куры	3	1	50	4	50
2.хлопоты по погребению кур	—	—	—	—	75
3. Вспомоществование беспризорным цыплятам-сиротам	—	—	—	5	—
4. Убыток от неполучения до конца бюдж. года яиц, которые снесли бы задавленные куры	162	—	4	6	48
Итого	—	—	—	16	73

Шестнадцать руб. 73 коп.



— Послушай, Иван Павлович, зачем-ты это самогон пьешь?

— Режим экономии провожу. Горькая то дорога еще.

ВЕСЕЛОЕ МЕСТЕЧКО

Ай, да комсомольцы!

(Из протокола № 6 заседания комсомола ст. Успенской (Кубань).

Слушали: Постановили:

1. По нэпу 1. Теснее сплотиться с капиталом и спеть Интернационал.

2. О клуб- 2. Купить гармошку и истребить тов. Ножкина за неклубовнастроение.

Письмо в Редакцию.

Уважаемый товарищ редактор!

Человек я можно сказать самый обна-
кавленный, не какойнибудь, буржуазит али
к примеру из церковного звания. Нет.

Только есть у меня привычка непорядки
разные подмечать. И даже не только в
волостном, но и в международном масштабе.

Горячей кровью обливалось мое созна-
тельное сердце, когда я читал о том, как
кровопиец Чемберлен грозил захватни-
ческими руками нашей республике. Только
теперь про Чемберлена в газетах мало
пишут, и просьба моя до вас, тов. редактор,
совсем в другом роде.

Понадобилось мне недавно сахару купить
и я, как сознательный алимент, направился
в лавку Марьиногого потреб. общества.

Вот прихожу я в этот самый кипира-
тив и должным манером хочу посмотреть
на сахар:

Мало-ли, думаю, бывает сахар подмо-
ченный. Принесешь его домой а баба на
манер международной гирды атакует.



Только хотел я рассмотреть хорошенько,
как приказчик на меня.

— Чего, говорит, рыло пхаешь, куда не
надо!

Не стерпел, я:

— Во первых, говорю у меня такая-же
физика как и у тебя. А во-вторых, чего орешь?

А он таким же фертом на меня:

— Ежели, говорит, каждый будет рыло
пхать, то от товара пыль останется. Не нра-
вится—вылетай.

Не стерпел я этакой обиды:

— Хоть, говорю, и сознательный я
крестьянин, но больше в кипиратив не
приду.

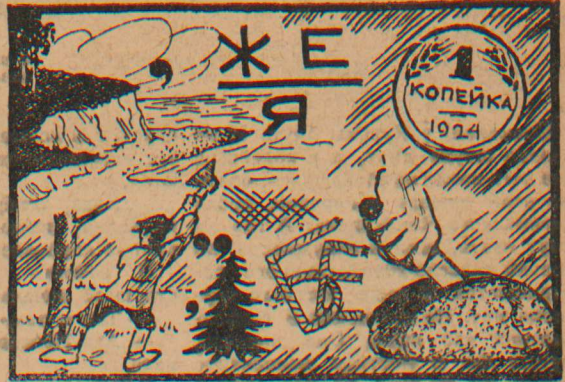
А он, то-есть приказчик, на дверь по-
казывает.

Так и пришлось мне уйти ни с чем.

С почтением крестьянин Иван Плюхин.
Переписал П. Гор.

МЕЖДУ ДЕЛОМ.

Ребус № 5.



ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Баня продается оборудованная по последнему слову техники под самогонный завод у П. А. Тузова, из с. Пушкино, Гридинской волости.

На хранение и продажу принимает водку и самогон чайная „Кооператор“ Ликургского общества потребителей.

Пожарное оборудование и инвентарь по улице валаются, а пожарный сарай райпред 6-го района, Холмовской вол., в дер Шейно для себя приспособил.

Ошибочно попал вместо антирелигиозного вечера, на котором нужно было прочесть доклад, на гуляние, кандидат Гридинск. ячейки партии Сторечеров, и с горя напился.

Ремонт пожарных машин, до сих пор не могут сделать крестьяне д. Горки, Ильинской вол., зато попу собрали в праздник около 50 руб.

В аренду на три года сдали около десятины покоса, за четверть самогона, граж. дер. Низятево, Курновской вол., местному кулаку Григорьеву.

Вниманию охотников выпить и закусить. Приходите в дер. Рагозино, Шартановкей вол., к Вороновой, у нее всегда имеется.

На дому крыша прогнила, а крестьянин Иван Петрович Пупков, из дер. Богово, до сих пор пьянствует и починить не может.

Ушел из дому покос делить, а попал в шинек мой муж Лука Спиридонов, из дер. Тяпкино.

На полном ходу самогонный завод был в дер. Коробово, а теперь милиция закрыла.